

ДРУГАЯ ДОНЦОВА

Главному редактору
«Вечерней Москвы»
В. П. Евсееву

Уважаемый
Валерий Петрович!

Читая воспоминания Дарьи Донцовой, опубликованные 8 января (она же — Груня Васильева, Агрипина Аркадьевна Васильева, нередко подписывавшая свои заметки «А. Грунина»), она же, по ее словам, Грушенька, только так ее в редакции «ВМ» никто не называл, я вспомнил кликуху, которая пристала к ней в нашем коллективе, — Вруня. С ней, как ни с кем другим, почти ежедневно случались истории, мешавшие вовремя прийти на работу, то житейские (якобы ее квартиру залила жившая наверху жена Михалкова), то печальные (из окна на втором этаже вывалился сын). Ей сочувствовали, но почему-то в большинстве случаев не хотелось услышанному верить...

Буквально в каждом абзаце напечатанных воспоминаний — **выдумка**. У нас в редакции никогда не было первого отдела. У нас не находились журналисты, которые могли весь месяц валять ваньку, а потом спокойно подойти к кассе, чтобы получить свои 150 рублей (кстати, выплата зарплаты проходила 1-го и 16-го, а не 5-го и 15-го). Всех подстегивала необходимость сдать в конце месяца своеобразный отчет об отработке. Напомню, что в советской печати существовал принцип «40 и 60», при котором 60 процентов газетной площади обязательно отводились внештатным авторам, 40 — своим. И не дай Бог, если у кого-то не оказывалось отработки или она признавалась незначительной. В то же время солидная отработка или организация какой-либо редакционной акции стимулировались — были установлены ежемесячные премии. Одно время Михаил Козырев требовал отработку даже от корреспондентов на гонорарной оплате, от таких, как Васильева-Грунина.

Козырев жил вовсе не в двух шагах от редакции, в его доме не было винного магазина или продмага с винным отделом. Поэтому он при всем желании из окна не мог видеть журналистов «Вечерки», стоящих в очереди за бутылкой (в рабочее время?!). «Мишкин дом», упомянутый в воспоминаниях, по моему, перекочевал на страницы «Вечерней Москвы» из какого-то романа-нетленки Дарьи Донцовой. Проработав в штате «Вечерки» 27 лет, понятия не имею, где находился этот «Мишкин дом». Я поинтересовался на этот счет у некоторых ветеранов «Вечерки», но им ничего о таком доме неизвестно.

Несмотря на трудное материальное положение, автор воспоминаний приезжала на работу в «Вечерку», а потом сновала по Москве на собственной машине. Васильева-Грунина жила не только в Москве, но и в писательском городке в Перedelкине. Вечерочницы-ветераны вспоминают Грунину маму — нельзя было сказать, увидев ее, что она была из бедствующей семьи...

Упомянутый в воспоминаниях В. Н. Ягодкин — это бывший секретарь МГК КПСС. Не верю, что именно он пристроил Груню в «Вечернюю Москву». Она появилась у нас, когда он был в опале — на партийной работе не смог найти общего языка с деятелями литературы и искусства, те жаловались на него В. В. Гришину (1-ый секретарь МГК КПСС), после чего его и освободили от занимаемой должности. В подобной ситуации опальный Ягодкин вряд ли решился бы ходатайствовать за родственницу, а Индурский — пойти навстречу его просьбе.

Скорее, за Груню ходатайствовали некоторые писатели, например, Иосиф Прут, Александр Кулешов, который часто спрашивал у меня,

«В «Вечерке» из меня сделали профессионала» — так назывались отрывки из воспоминаний популярной писательницы Дарьи Донцовой, опубликованные в предыдущем четверговом номере «Вечерней Москвы». Однако они вызвали неоднозначную реакцию со стороны ветеранов «Вечерки». Открытое письмо главному редактору от одного из героев воспоминаний Донцовой — Владимира Пахомова — мы считаем необходимым опубликовать без купюр.

как работает в «Вечерке» дочке писателя Васильева. В свою очередь, Индурский с уважением относился к Васильеву, который был секретарем парткома московской писательской организации, когда она бурлила — шел процесс над Синявским и Даниэлем. Аркадий Васильев много писал о революции, революционерах, первых чекистах. Навскидку вспоминаю его романы «За власть Советов», «В час дня, ваше превосходительство», как-то вышел его двухтомник. «Вечерняя Москва» в нескольких номерах в середине 60-х годов печатала сценарий на тему революции. Авторы — Арк. Васильев и Гр. Васильева, отец и дочь.

По утверждению Дарьи Донцовой, в те времена главные алконавты в «Вечерке» скопились в отделе информации, заведующим которым мне довелось быть на протяжении 11 лет, с мая 1977 года. За это время здесь работали (одни все время, другие недолго) — Гай, Пискарев, Маринич, Никольская, Костин, Ажигитов (его отчество, к сведению Донцовой, — Хасанович), Зиновьева, Кронгауз, Нырков, Иванов, Белостоцкая. Ума не приложу, кто из них принадлежал к алконавтам... Алконавтами не были наши постоянные авторы-офицеры Васильев (управление пожарной охраны), Еремеев (управление ГАИ), ветераны спорта Седов и Корнблит, знатоки московской истории Сенютин и А. Михалков, фенолог Стрижев.

Оставляя на совести автора воспоминаний ее утверждение о мо-

ей ярко выраженной любви к алкоголю. Никто у меня прежде не отмечал и склонности к обжорству, поэтому дико звучит воспоминание, как в меня однажды не могли влезть два пирожка и я, принеся их из столовой, кричал Груне: «Засунь их в шкаф, кто-нибудь слопает с чаем».

Дарья Донцова явно запомнила, что в нашем отделе не расписывали кофе и не гоняли чаи (у нас не было ни чайника, ни кофейника), а главное — я никогда не обращался к Груне на «ты» (на «ты» я был с Гаем, Пискаревым и Никольской), не советовал ей «прописаться», иначе говоря, сбегать за водкой, после чего она, новенькая, сделав глоток, без всяких звуков свалилась со стула на пол, а я якобы потом говорил, что хорошо иметь в отделе трезвенницу — «и посуду уберет, и нас прикроет в случае чего...»

Убей меня, но я (в воспоминаниях писательница меня нередко называет Вовкой, да еще страшно похожим на животное из подотряда нежвачных), не знаю, какой случай для прикрытия имел в виду...

Я никогда не кричал на Груню «Пошла вон!», при этом моментально краснея (от натуги, что ли?), не называл ее идиоткой, дурой, лентяйкой. Я никогда не выписывал Васильевой-Груниной гонорар, так как в «Вечерке», как и во всем мире, это прерогатива ответственного секретаря, обязанности которого на протяжении нескольких десятилетий в «Вечерней Москве» выполнял Всеволод Васильевич Шевцов (для Д. Донцовой — Севка), почти 50 лет проработавший в нашей редакции. Тот самый Шевцов, который, по словам Д. Донцовой, пил коньяк, наливая его в стакан, бросал туда чайную ложку и прихлебывал спиртное, как чай. Неужели в рабочее время, в своем кабинете, дверь которого всегда стояла открытой?

С Шевцовым я ежедневно виделся в редакции почти 20 лет (пока он работал), да не только в редакции — мы бывали друг у друга (с женами) в гостях, часто работали на крупных международных соревнованиях, включая Олимпийские игры 1980 года, ряд чемпионатов мира и Европы, будучи аккредитованными от «Вечерки». Конечно, посещали пресс-бары, обедали или ужинали в общепитовских точках. Поэтому смею утверждать, что он никогда не был большим любителем выпить. Коньяку всегда предпочитал водку!

Из воспоминаний автора иронических детективов я узнал, что она однажды схватила телефонный аппарат и со всего размаха треснула Илью Львовича П. по макушке. Вот разговоров было бы! Но почему-то о том, как Груня защищала свою честь, в небольшом коллективе «Вечерки» никто понятия не имел, да и сегодня никто из ветеранов об этом ничего не знает. Неужели журналист, более 50 лет отдавший «Вечерней Москве», ее фронтовой корреспондент в суровые дни осени 1941 года, после того случая не обратился в наш медпункт, никто не вызвал для него «скорую помощь»? Удар телефонным аппаратом по голове — нешуточное дело!

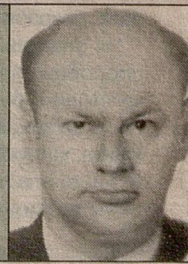
Давид Гай, или Додик (по словам Д. Донцовой), никогда не принадлежал в «Вечерке» к числу защитников обездоленных или к правозащитникам. Не мог Гай, долго мечтавший вступить в партию (не в последнюю очередь в связи с этим взявший для фамилии свое литературное имя), пойти заступиться за Грунину-Васильеву, для чего он сообщил П., который был заместителем секретаря нашей парторганизации, членом редколлегии, заведующим отделом партийной жизни, что Груня спит с куратором «Вечерней Москвы», иначе говоря, с одним из руководителей городской парторганизации. Источник сплетни установили бы очень быстро, Гай наверняка бы потерял членство в партии, поставлен был бы крест на его литературной деятельности (он успел выпустить несколько книг, регулярно печатался в журнале «Знамя»), не говоря уже об исключении из «Вечерней Москвы».

Надежда умирает последней. Я надеюсь, что однажды Дарья Донцова в своих воспоминаниях расскажет, почему и при каких обстоятельствах завершилась ее работа в «Вечерней Москве», ушла она внезапно, не попрощавшись с коллегами по работе, как говорят в таких случаях, по-английски. И пусть она при этом добрым словом вспомнит Марьяну Сидоренко!

Владимир ПАХОМОВ

ДОСЬЕ «ВМ»

Пахомов Владимир Николаевич, родился в 1935 г., начал печататься в «Вечерней Москве» с 1957 г.; работал в штате редакции с 1971 по 1988 г. (зав. сектором спорта, зав. отделом информации). В настоящее время на пенсии, внештатный корреспондент газеты.

Донцова Дарья
15.01.04